

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Неизвестное сочинение — автограф сирийского эмира Усамы.

I.

35 лет прошло с тех пор, как была издана впервые «Книга назидания» — автобиография современника первых крестовых походов, уроженца маленького сирийского городка Шейзара эмира Усамы-ибн-Мункиза¹. Прошло 35 лет и за этот срок она приобрела себе на Западе ту известность, которая не выпала на ее долю на родине, если судить по единственной дошедшей до нас рукописи. Два полных перевода на европейские языки, до 35 монографий и статей, между прочим, в медицинских или охотничьих журналах² — все это показывает, что характерная фигура арабского *fārisa* заинтересовала европейских ученых, а в его своеобразной книге продолжают находить материал самые разнородные специальности.

Историческое значение труда теперь достаточно выяснено и, несмотря на то, что за 35 лет арабские источники для эпохи крестовых походов стали известны несколько ближе, попрежнему «Книга назидания» занимает среди них почетное место и стоит совершенно особняком³. Она не дает связной истории, как другие хроники, она несколько не исчерпывает военных политических событий своего времени, а лишь набрасывает мастерскую картину духа своей эпохи, всей ее идеологии и обстановки, того аромата жизни, который всегда присущ беспристрастным мемуарам современников.

¹ Ousama ibn Mounkidh, Un émir syrien au premier siècle des croisades (1095—1188) par H. Degenbourg, Deuxième partie. Paris, 1886. Ср. рец. бар. В. Р. Розена в ЗВО, II, 175—178.

² Подробная библиография указана мною в приложении к русскому переводу автобиографии, предположенному к напечатанию издательством «Всемирная Литература».

³ Общая характеристика Усамы и его произведений дана мною в том же издании и в настоящей статье заимствована отсюда в общих чертах без повторения деталей.

Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXVI.

Для европейского историка нового времени такие мемуары — необходимый материал; в арабской литературе — книга Усāмы и теперь, через 35 лет после своего опубликования, попрежнему не находит себе параллелей.

И в этом смысле «Книгу назидания» следует признать еще недостаточно оцененной, как литературный памятник. Нельзя забывать, что в Западной Европе к XIV веку мы находим уже попытку теоретического обоснования автобиографии в *Convivio* Данте с формулировкой двух основных причин ее составления и такую развитую форму ее, как хронику Фра Саллибене. Для арабской литературы «Книга назидания» интересна не своим историческим материалом, не своей структурой — во многом невыдержанной и сбивчивой, а самой идеей дать личные воспоминания на фоне исторических событий в форме безыскусственного рассказа, даже по языку — близкому к разговорному — отличающегося от летописного стиля.

Интерес к этому произведению Усāмы вызывает естественное внимание и вообще к его литературному наследию. Оказывается, однако, что и он homo unius libri: другие труды ничего не прибавляют к славе этого писателя. По названиям нам известно одиннадцать его сочинений¹: кроме сборника стихов и автобиографии два из них дошли в рукописях непосредственно и до нас.

В первом — под излюбленным заглавием «Новое в науке о новом» мы встречаем теорию поэтических фигур или тропов, детально разработанную, со строгой системой и классификацией, любовно подсчитывающую все возможные категории, число которых здесь доведено до 95². Во всей работе чувствуется культ родного слова, то преклонение пред языком, как самоудовлетворяющей цепностью, которое часто у арабов заслоняло реальную обстановку жизни даже изучаемого слова. Длинной цепью, начиная с сочинения однодневного халифа Ибн-ал-Му'тазза (уб. в 908 г.), проходят эти реторика и поэтики; Усāма, конечно, целиком обязал трудам своих предшественников. Ничего оригинального в его произведении нет: та же идея, те же приемы, и только более детальный анализ и новые примеры обнаруживают самостоятельную работу.

Аналогичный по своей традиционности характер носит и второе дошедшее до нас произведение Усāмы «Книга о посохе»³. Оно посвящено рассказам о всяких знаменитых в легенде, истории и литературе посохах, начиная с жезла Моисеева и кончая палкой, на которую опирался в старости

¹ Derenbourg, op. cit., Première partie, Vie d'Ousama, Paris 1889—1893, стр. 330—339.

² Подробности о ней с некоторыми извлечениями приводит Derenbourg, op. cit. 330—331 и 691—722.

³ Ibid., 334—336 и 499—542.

сам эмир. Исторические рассказы и анекдоты переплетаются с цитатами стихов и создают распространенную форму антологии, в которой арабы любили называть самый разнообразный материал на самые разнообразные темы. Может быть, в сюжете Усāма и явился более или менее оригинальным, но построение трактата вылилось в готовую форму. И здесь мы имеем дело с продуктом чисто ученого кабинетного творчества, питающегося не столько соками жизни, сколько традиционным книжным материалом.

Не поражают оригинальностью и стихи Усāмы, сохранившиеся не только в отрывках, но даже и в довольно большом сборнике¹. Все они вращаются в формах классической поэзии, воспринимают по традиции те же сюжеты и приемы. Владение языком и стихом сказывается, конечно, в полной мере, но оно было вообще необходимым качеством всякого араба, получившего школьное образование. Известный поэт в кругу современников и потомков, Усāма для нас является одним из сотен слагавших стихи и не поднимается выше среднего уровня.

Мы не знаем до сих пор непосредственно других, известных только по именам сочинений Усāмы; по аналогии с указанными можно предполагать, что и они носили тот же литературно-кабинетный характер.

Работа над редакцией русского перевода автобиографии Усāмы заставила меня еще раз пересмотреть относящийся к нему материал, в особенности по вопросу о его сочинениях. Давний уже опыт приучил меня к тому, что надежнее и легче всего делать открытия, так сказать, у себя дома — в Азиатском Музее или Публичной Библиотеке; это предположение не обмануло и теперь. По различным упоминаниям — в том числе и печатным в статьях первого директора Азиатского Музея Френа — я еще в 1918 году установил наличие в Музее двух рукописей с произведениями Усāмы, неизвестных в Европе. Отсутствие рукописей, эвакуированных из Петрограда в 1917 году, лишило меня возможности проверить эти указания и только этим летом я мог обратиться к ним непосредственно.

Первая из них² не представляет особенного интереса, так как дает упомянутую уже поэтику, которая известна нам по трем рукописям Берлина, Лейдена и Капра. Она переписана в Зу-л-хыджже 1039 г. т. е. июле 1630 г.³ и таким образом древнее берлинской, примыкая по времени к лейденской. Отсутствие одного листа в начале не препятствует установить, что она дает то же самое сочинение, которое сохранилось в других рукописях.

¹ Ibid., 336—338.

² № 461 ст. фонда 80 л. 100+1 в нач. Хороший египетский почерк.

³ Л. 97^о внизу: *نجز الكتاب المبارك يوم الجمعة المبارك تاسع ذي الحجة الحرام اختتام سنة تسعة وثلاثين بعد الالف احسن الله عاقبتها على خير امين.*

а не «комментарий» на цитаты в «Новом в науке о новом», как предполагал Френ на основании ошибочного заголовка, сделанного другой рукой¹. Сличение с опубликованными отрывками из других рукописей выясняет и тот факт, что по редакции к нашей рукописи примыкает берлинская, тогда как лейденская дает несколько более сокращенную версию.

Вторая рукопись имеет уже первоклассное значение: она дает не только неизвестное сочинение Усāмы, но и его автограф². Она совершенно ускользнула от внимания даже специалиста по Усāме Н. Derenbourg'a, хотя печатное сведение об этом имеется в известной и за границей книге Dorn'a об Азиатском Музее, где перепечатаны статьи Френа 20-х годов³. Не видя самой рукописи, я относился несколько скептически к словам Френа, предполагая, что сочинение можно будет отождествить с какими-нибудь другими работами Усāмы, под иным заглавием; ближайший анализ убедил меня в справедливости указания. В эпоху Френа, почти сто лет тому назад, трудно еще было определить сравнительное значение памятника. Теперь оно для нас гораздо яснее благодаря более близкому знакомству с личностью Усāмы и его сочинениями — с одной стороны, — возможностью проследить историю самой рукописи — с другой. Но мало того, — при современном направлении в исследовании арабской поэзии работа оказывается интересной, доставляя материал именно для некоторых стоящих на очереди задач. Последовательному освещению трех указанных пунктов я и предполагаю посвятить настоящую статью.

II.

Называется это сочинение «Книга стоянок и жилищ» كتاب المنازل والربار, но полной уверенности в том, что оно так называлось в действительности, нет. Лист рукописи с заглавием восстановлен позднее другой рукой; никакого намека на заглавие в предисловии или самом сочинении нет. Между тем оно повторяет заголовки двух первых отделов книги и может быть измышлено позднейшим владельцем ad hoc. Простирать слишком далеко скептицизм, однако, нет пужды: по другим примерам мы знаем, что Усāма часто пользовался простыми не рифмованными заглавиями в одно-два слова такого же типа, как и данное.

¹ См. рукопись составленного им инвентаря в Азиатском Музее: شرح شواهد البديع في علم البديع.

² № 154 ст. фонда. 40 л. 250 — 2 в нач.

³ Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften von St. Petersburg, St. P. 1846, стр. 269 (идея сочинения), 293 (дата рукописи и указание на автограф).

Само сочинение не имеет ни малейшего касательства к географии, как можно было бы думать по этому заглавию. Оно представляет очень распространенный вид поэтической антологии такого же типа, как известная уже нам «Книга о посохе». Лучшее представление о сюжете и поводе к составлению дает предисловие Усāмы¹.

بسم الله الرحمن الرحيم

قال أسامة بن مرشد بن عليّ بن مقلّد بن نصر بن منقذ الكنانيّ غفر الله له ولجميع
أمة محمد صلى الله عليه وسلم الحمد لله وإن تنقلت بنا الدنيا تنقل الظلال
وتقلب بنا الدهر من حال إلى حال وعفت رسوم آثارنا واستولت يد الاعتداء على
ديارنا وتصدّع شملنا أبدى سباً وتشعبت بنا سبل المذاهب وأخذت الحوادث على
معشرى وآلى وأفنى الموت أسودى وأشبالى كل ذلك بقدر جرى به القلم في
القدم وقضاء سبقت به المشيئة قبل الخروج إلى الوجود من العدم ألقى ما سرّ من
ذلك وساء بالتسليم والرضى وأقوض إليه جلّ وعلا فيما قدر وقضى وأقرّ بأنّ
ابتلاءه بعدله ومغافاته بفضله وأرجو من رحته أن يكون ذلك كفارة لذنوب
سلفت وموعظة دعت عن المعاصى وصرفت وإنّ ما نالنا من الدنيا² وآفاتها
بذنوب اقترفناها فرحنا بتعجيل مكافاتها وصلى الله على رسوله الأمين محمد خانم
النبيّين الذى وصفه فى كتابه الكريم فقال وَإِنَّكَ لَعَلَى خُلُقٍ عَظِيمٍ³ وعلى آله
الطيبين الطاهرين وأصحابه البررة المتّقين وأزواجه الطاهرات أمّهات المؤمنين
صلاة دائمة إلى يوم الدين وبعد جعلك الله بنجوة من النوائب وأصفى لك الحياة
من كدر الشوائب ولا راعك بحادثة تنسى ما قبلها وتصغر ما بعدها وتفتح من
الكتاب أبواباً لا نستطيع سدها فإنّى دعانى إلى جمع هذا الكتاب ما نال بلادى
وأوطانى من الخراب فإنّ الزمان جرّ عليها ذيله وصرف إلى تعفيتها حوله وحيله
فأصبحت كأنّ لم تغنّ بالأمس⁴ موحشة العرصات بعد الانس قد دثر عمرانها
وهلك سكّانها فعادت مغانيها رسوماً والمسرات بها حشرات وهموماً ولقد وقف
عليها بعد ما أصابها من الزلازل ما أصابها وهى⁵ أوّل أرض مسّ جلدى نرابها

¹ Л. 4⁶—6⁶.

² Л. 5.

³ Кор. 68,4

⁴ Кор. 10,25.

⁵ Л. 5^в.

فما عرفت دارى ولا دور والدى وإخوتى ولا دور أعمامى وبنى عمى وأسرتى
 فبهت متحيراً مستعبذا بالله من عظيم بلائه وانتزاع ما خوله من نعمائه
 ثم انصرفت فلا أثبتك خيبتى رعى القيام أميس مبس الأصور وقد عظمت الرزية
 حتى غاضت بوادى الدموع وتتابعت الزفرات حتى أقامت حنايا الضلوع وما
 اقتصرت حوادث الزمان على خراب الديار دون هلاك السكّان بل كان هلاكهم
 أجمع كارتداد الطرف أو أسرع ثم استمرت النكبات تترى من ذلك الحين
 وهلمّ جرّاً فاستردت إلى جمع هذا الكتاب فحمله بكاء للدار والأجباب وذلك لا
 يفيد ولا يجدى ولكنه مبلغ جهدى وإلى الله عزّ وجلّ أشكو ما لقيت من زمانى
 وانفرادى من أهلى وإخوانى واغترابى عن بلادى وأوطانى
 لو كانت الأعلام ناجتني بما القاه سقطان¹ لأصماني الردى
² واليه عزّ وجلّ أرغب في أن يمنّ علىّ وعليهم بغفرانه ويعوّضنا برحمته في دار رضوانه
 إنّه لا يردّ دعاء من دعاه ولا يخيّب رجاء من رجاه وقد جعلت هذا الكتاب فصلاً
 فافتتحت كلّ فصل بما يوافق حالى ثمّ أفضت فيما يوافق ذا القلب الخالى لكيلا
 يأتى الكتاب وهو كلّ عويل ونياحه ليس فيه لسوى ذى البتّ راء، على أنّ
 رزايا الدنيا كالأجل نهمل ولا نهمل وإنّ نلت اليرم فغدا تقبل فمأخذ من
 ربيهنّ سليم وتتبع هذا المعنى صعب وحصره لا يمكن وقد أوردت منه ما يبرّد اللوعة
 ويسكن الروعة والعذر إلى من وقف عليه مبذول وهو عند الكرام مقبول
 فصول الكتاب فصل في ذكر المنازل فصل في ذكر الديار فصل في ذكر المغاني فصل
 في ذكر الأطلال ³ فصل في ذكر الربع فصل في ذكر الدمن فصل في ذكر الرسم فصل
 في ذكر الآثار فصل في ذكر المساكن والمحلّ والمعاهد والاعلام والمعاليم والعروض فصل
 في ذكر الأرض فصل في ذكر الأوطان فصل في ذكر المدن فصل في ذكر البلاد فصل
 في ذكر الدار فصل في ذكر البيت فصل في بكاء الاهل والاوطان

Во имя Аллаха милостивого милосердного!

Говорит Усама - ибн-Муршид-ибн-Али-ибн-Муқалляд ибн-Наср-ибн
 Муңқыз кинәнит, да простит Аллах ему и всей общине Мұхаммеда, над кото-
 рым благословение и привет Аллаха. Хвала Аллаху! Хотя и перемещается

¹ Sic рук. Весь стих неясен.

² Л. 6.

³ Л. 6^а.

с нами мир, как перемешается тень, и переворачивает нас судьба из одного положения в другое и замечает остатки наших следов, а рука вражды овладела нашими жилищами и раздробила наше единство, как у сабейцев, разветвились у нас пути дорог и погубили события мой род и семью, а смерть уничтожила моих львов и львят. — все это — по решению, которое начертала трость издавна, — по приговору, которым опередила воля еще до перехода в бытие из небытия. Встречаю я то, что радует и печалит в этом, с покорностью и удовлетворенностью и предаю Ему — славен он и возвышен — то, что он решил и постановил. Я признаю, что испытание его — по справедливости, а прощение — по благодати. И надеюсь я от милосердия его, что это будет искуплением за грехи прошлые и вразумлением, которое отвратит от ослушания и отзовет. Что постигло нас от мира¹ и его бедствий — это за грехи, которые мы совершили, и помилował он нас ускорив воздаяние за них. Да благословит же Аллах своего верного посланника Мухаммеда, печать пророков, которого он описал в своей книге благородной словами²: «Послание, ты великой природы», и его семью благородную чистую, и его сподвижников благих богобоязненных, и его жеп чистых, матерей всех верующих, — благословением, которое пребудет до дня суда. А затем — да соделает тебя Аллах далеким от бедствий и да очистит тебе жизнь от мутн примесей, пусть не устршит он тебя событием, которое заставляет забыть то, что перед ним, и умаляет то, что после него, которое открывает в книге врата, что ты не можешь закрыть, — меня призвало собрать эту книгу разрушение, которое постигло мою страну и родину. Время протянуло над ней свой подол и направило на ее расселение свою мощь и силу. И оказалась она «как будто бы и не была она богата вчера»³ с опустелыми площадями после оживления. Изгладились все поселки и погибли жители; жилье стало следом, и радости превратились в печали и горести. Я остановился там после поразивших ее землетрясений — это ведь⁴ первая земля, к поверхности которой прикоснулась моя кожа, и не узнал я своего дома и дома моего родителя и братьев, и дома моих дядей и сыновей дяди и моего рода. И остановился я в смущении, взывая к Аллаху от великого его испытания и отнятия им тех милостей, которые он ниспослал.

Потом я удалился — и не буду говорить тебе о скорби — дрожа на ходу и качаясь, как склоненный под тяжестью. И так велика была утрата, что иссякли быстро текущие слезы, а вздохи следовали один за другим и

¹ Л. 5.

² Кор. 68,4.

³ Кор. 10,25.

⁴ Л. 56.

выпрямил кривизну ребер. И не удовлетворялись превратности времени разрушением домов и гибелью жителей, но гибель их всех была как мгновение ока и еще быстрее, а затем удары пошли один за другим в это время и дальше. И стал я искать успокоения, собирая эту книгу и сделал ее плачем по жилью и любимым. Это не принесет пользы и не поможет, но это — верх моих стараний. И Аллаху — славен он и возвеличен — жалуюсь я на то, что встретил от своего времени, свое одиночество без семьи и братьев, свое скитание без своей страны и родины¹.

От него — славен он и возвеличен — жажду я, чтобы он даровал мне и им свое прощение и чтобы возместил нам своим милосердием в доме его благоволения. Он не отвергает моления того, кто его призывает, и не делает бесплодной надежду того, кто на него уповает. Эту книгу я составил из нескольких отделов и открыл каждый отдел тем, что соответствует этому сердцу опустелому, чтобы не оказалась книга целиком плачем и рыданием, в котором успокоение только для обладателя скорби. Но ведь утраты мира сего, как жизненный срок — дают отсрочку, но не забывают; если отвернутся сегодня, то повернут завтра, и никто не уцелеет от их вращения. Проследить до конца эту мысль трудно, а сократить ее невозможно. Я привел на эту тему то, что прохлаждает страдание и успокаивает терзание. Извинение обращено к тем, кто остановится над этим; у благородных оно приемлемо².

В этом предисловии, — таком типичном для Усāмы по личному подходу к теме, особенно ценно упоминание о землетрясении, постигшем его родину. Этот факт с точными данными и большими подробностями сохранен нам другими источниками³. Относится он ко времени второго пребывания Усāмы в Дамаске (1154 — 1164) при дворе знаменитого борца с крестоносцами, Нур-ад-дйна. В августе 1157 года стихийное бедствие постигает всю северную Сирию: тринадцать крупнейших городов разрушено землетрясением, и в их числе родина Усāмы Шейзар. Все его родственники эмиры-мунқызыты как раз в этот момент находились во дворце на одном семейном празднестве. Весь род погиб под развалинами; живой была извлечена только жена одного эмира и уцелел находившийся в отсутствии родственник. Понятно, что такая катастрофа навсегда оставила следы в душе эмира — изгоя и под впечатлением ее — живым и в старческие годы, он взялся за составление этой антологии. Говорим — в старческие годы, так как у нас есть определенное указание о месте и времени составления книги.

Конец рукописи в ее настоящем виде нет, но еще на исходе XVI века

¹ В тексте следует не вполне ясный стих.

² Текст заканчивается перечнем глав, о котором будет речь ниже.

³ Derenbourg, y. c., 276-277.

он существовал, и ученый владеец, о котором нам придется говорить впоследствии, на основании его оставил указание, что книга закончена автором в Хыси-Кайфе в первой джумаде 568 года, т. е. в декабре 1172 г.¹ Усāме было тогда уже 77 лет. Эмир сохранял до конца дней завидную бодрость духа и мы знаем, что он делал вставки в свою автобиографию даже 87 лет. Как указание о поводе к составлению, так и сведение о месте и времени вполне определенно подтверждается биографией Усāмы. Хыси-Кайфа — небольшой городок с крепостью на Тигре в верхней Месопотамии в области Диярбекра. Расцвет его относится к XII веку в эпоху господства здесь мелкой династии ортукидов². Гостем одного из них, с которым Усāма познакомился во время совместных действий против крестоносцев под Антиохией, он и провел 10 лет своей жизни (1164 — 1174). Старость сказывалась, и за этот период в его автобиографии мы реже слышим про битвы и охоту, чаще про благочестивых отшельников и литературные занятия. К этому времени относится основная часть автобиографии, в это время были составлены некоторые другие произведения и, между прочим, «Книга стоянок и жилищ».

План ее прост. В 16 отделах, распадающихся иногда на более мелкие, Усāма располагает поэтические отрывки сообразно с теми словами, которыми пользуются поэты при обращении к покинутым или разрушенным местам, где жили им близкие. Перед читателем проходит здесь весь репертуар *exordia* арабских больших произведений. Здесь и жилье, и стоянка, и весенний привал, и следы кочевья, и города, и дома со всем разнообразием синонимов, выработанных еще арабской кочевой жизнью³. Последний отдел посвящен стихам «о плаче по семье и братьям», который Усāма сопровождает таким замечанием⁴: «Я говорю, что для этого отдела настоящим ме-

¹ II. 26-3: لفق هذه الترجمة من تراجم فقير عفو ربّه المتعالى الطالوتى محمد أبو المعالى مالك هذه النسخة التى هى بخط مؤلفها مجد الدولة العلامة القهامة الأمير أسامة علقها لنفسه ولحصن كيفا وقع الفراغ منها فى جمادى الأولى سنة ثمان وستين وخمسمائة كما نص آخرها وسمع عليه أيضًا بدمشق وصورة السماع آخر الكتاب مع ساعات آخر والحمد لله وحده.

² Enzyklopaedie des Islām, II, 340—341.

³ Вот перечень этих отделов: الأطلال (62) المغانى (35, 52) الدبار (7, 22) المنازل (1. 7, 22) المساكين والحمل والمعاهد (106) الآثار (99, 103) الرسم (89, 91) الدمن (79, 84) الربع (66, 71) أسامة علقها لنفسه ولحصن كيفا وقع الفراغ منها فى جمادى الأولى سنة ثمان وستين وخمسمائة كما نص آخرها وسمع عليه أيضًا بدمشق وصورة السماع آخر الكتاب مع ساعات آخر والحمد لله وحده.

⁴ قلت هذا الفصل كان موضعه صدر الكتاب إذ كانت المنازل والدبار I. 220: إنما تبكى لسكانها من الاهل والاخوان والاحباب لكننى اخترته لأختم به الكتاب.

стом было бы начало книги, так как стоянки и жилища оплакивают только из за живших там родных, близких и дорогих, но я его отодвинул, чтобы закончить книгу».

В манере изложения чувствуется тот же личный элемент, который близко нам знаком по автобиографии. Приводя впервые цитаты из своих стихов, он предпосылает им следующее соображение¹: «Я говорю, что у меня преимущество над упомянутыми раньше поэтами, так как я больше них потерпел утрат и мои стихи должны были бы предшествовать их стихам, хотя в красноречии и не могут угнаться по их следам. Однако, преимущество за опередившим, и он имеет больше прав быть выставленным раньше, хотя я с ними в этом похож на то, что говорил Зарр своему отцу²: «Отец мой, почему когда говоришь ты, то вызываешь слезы у людей, а когда говорит кто либо другой, он не заставит их плакать?» «Сын мой, ответил тот, наемная плакальщица не то, что рыдающая осиротелая мать». Другой раз по аналогичному поводу Усāма добавляет³: «Я говорю, что у меня есть стихи на ту же тему, которые излагают действительное положение, а не только следуют приемам поэтов. Дело в том, что в словах посланника Аллаха — да будут над ним молитвы и привет Аллаха — встретилось мне изречение: «кто посещает могилу своих родителей или одного из них каждую пятницу. тому простится и будет записано это, как благое деяние». И опечалило меня то, что я был лишен возможности их навестить и разлучен с ними — живыми и мертвыми, и я произнес стихи»...

Личный элемент и личный интерес сказывается в тех отступлениях, нарушающих общий тон, которые Усāма считает нужным сопровождать особыми оговорками. Особенно часто это бывает перед большими прозаическими рассказами, появляющимися изредка, как разъяснения намеков в

قلت لى على من تقدم ذكره من الشعراء فضل المزية إذ كنت دونهم¹ صاحب الرزية فكان شعري أولى أن يقدم على أشعارهم وإن قصرت في البلاغة عن اقتفاء آثارهم لكن للمتقدم سبق وهو بالتقدمة أولى وأحق وإن كنت وهم كما قال ذر لأبيه يا أبة ما لك إذا تكلمت أبكيت الناس وإذا تكلم غيرك لم يبكمهم قال يا بنى ليس الناشئة المستأجرة كالنكلى.

² Abū-Zarr al-Ghifārī, один из сподвижников Мухаммеда, ум. ок. 653 г. (Enzyklopaedie des Islām, I, 88).

³ Л. 223^б: قلت لى أبيات تشبه معنى هذه الأبيات وهى شرح حال صحيحة لا على مذهب الشعراء وذلك اتنى مرّ في قول رسول الله صلى الله عليه وسلم من زار قبر أبويه أو أحد منهما في كل جمعة غفر له وكتب براً فأسفنى ما حرّمته من زيارتهما وشتات شملنا أحياء وأمواتاً فقلت الخ.

цитатах. Как бы извиняясь, он добавляет¹: «Я говорю, что стих Корана потребовал упомянуть про убийство Кя'ба-ибн-ал-Ашрафа²; я это сделал, хотя это и не являлось моей целью»³. Иногда он не скрывает своего восхищения перед стихами или рассказом, которые приводит в разрез с основной темой⁴: «Я говорю, что эти стихи попались мне в рассказе, который понравился, и я привел его, хотя и не имел первоначально в виду, однако стихи потребовали его включения». И другой раз повторяется аналогичная фраза⁵: «Попались мне эти стихи в рассказе, который я приведу, так как он показался мне замечательным, хотя этого и не требует сочинение. Ответственность же относительно него на том, кто его передавал».

Уже эти примеры с полной определенностью говорят, что на особую стройность или систематичность изложения и в этой работе Усāмы рассчитывать нельзя. В основе своей — это сборник поэтических цитат с указанием имен авторов. Очень редко стихи прерываются комментарием в одну строку⁶ или объяснением отдельных слов. Иногда в обстоятельных рассказах приводятся условия сочинения стихов. В противоположность ученым классического периода Усāма признает поэтов не только древних: у него в таком же количестве фигурируют и новые, а в числе их и современные ему египетские. Наряду с представителями восточного халифата появляются и западно-арабские поэты; с очень известными идут рядом мало знакомые. Одним из любимцев его является, повидимому, Михйār дейлемит⁷; об этом говорят и другие сочинения Усāмы⁸. В противоположность автобиографии

¹ Л. 396: قلت اقتضت الآية ذكر قتل كعب بن الأشرف قد لزمته وإن لم يكن مما قصدت له.

² Один из политических противников Мухаммеда, еврей, убитый по его внушению.

³ Аналогична и следующая фраза (л. 126): قلت ربما وقف على هذين البيتين من يتطلع إلى معنى قول أبي الفتيان كائن عمران بن حطان فرأيت أن أذكر شيئاً من أخباره ولم يقتض التاليف ذلك.

Аналогично л. 60: أنا مورد 194: قلت ذكرت هذا الخبر لما في الشعر من ذكر الديار سبب غسل إبراهيم صلى الله عليه رأسه مختصراً ما أورده أصحاب السير في ذلك.

⁴ Л. 31: قلت مرت بي هذه الأبيات في خبر استظرفته فأوردته وليس مما قصدت له لكن الأبيات أوجبت إيراده.

⁵ Л. 141⁶: مرت بي هذه الأبيات في خبر أنا مورد لاستغرابي إياه وإن لم يكن مما يقتضيه التاليف والعهد على من رواه.

⁶ Напр. л. 76, 496, 57, 74* и др.

⁷ Ум. в 427/1037 г. См. Derenbourg, op. cit., 338 прим. 1 и 544 прим. 1.

⁸ Известна обработка одного его стихотворения Усāмой в форме техмиса (см. ibid., 558—562).

здесь автор довольно часто приводит свои собственные стихи¹, равно как своих родственников: деда², отца³, дяди⁴ и брата⁵.

В прозаической части на ряду с рассказами из до-исламского периода⁶, появляется эпоха 'аббасидов⁷. Изредка систематически привлекается Коран⁸, причем цитаты настолько многочисленны, что поэтическая часть прерывается почти на пять листов. В главе о «доме» Усама увлекшись посвящает около 15 листов⁹ описанию «дома божия» Кя'бы, быть может в связи со своей специальной работой по истории Мекки, известной нам по заглавию¹⁰. Здесь же мы встречаем и одну цитату из *أدعية إلهية* — материал еще ждущий своего исследователя в арабской литературе¹¹: «Кто строит дом на волне морской? Таков для вас здешний мир, не избирайте же его пристанищем».

Богатая событиями жизнь оставила свой след, и часто Усāма при той или иной цитате вспоминает случай из своей собственной биографии в разных странах, где он перебивал. Чаще всего появляется Египет¹² — пора расцвета жизни, появляется Дамаск¹³ и Тир¹⁴, города Месопотамии — Мей-фарикин¹⁵, Ирбиль¹⁶ и Фенек¹⁷.

На источники свои Усāма ссылается не всегда. В большинстве случаев это — хорошо известный нам обще-литературный фонд того времени: встречаем мы здесь и автора «Книги песен»¹⁸ и историка Багдада ал-Хат'йба¹⁹. Изредка однако и здесь проскальзывает новое для нас указание. Таково, па-

¹ Л. 19—21⁶, 49—51, 69⁶, 102⁶, 107⁶, 118⁶, 123, 125, 126, 130⁶, 132⁶, 137⁶, 140⁶, 165—167⁶, 224.

² Л. 130, 164.

³ Л. 48, 164.

⁴ Л. 104.

⁵ Л. 18-18⁶, 48-49, 64⁶-65, 88⁶, 164⁶.

⁶ Ср. напр., рассказ про 'Орну-ибн-ал-Варда, л. 58⁶—60 или 119⁶—121.

⁷ Халиф ал-Ма'мун л. 31⁶—34⁶ или ал-Му'тазим л. 10. Ср. рассказ про поэта Бешшāра л. 78.

⁸ Глава о الدار л. 35—40 и 146—148⁶ или глава об الآثار л. 106.

⁹ Л. 190—205⁶.

¹⁰ Derenbourg, op. cit, стр. 333 — التآريخ البلدى.

¹¹ Л. 150: عن عيسى بن مريم صلى الله عليه أنه قال من ذا الذى يبني على موج البحر دارا تلك الدنيا فلا تتخذوها قرازا.

¹² Л. 10⁶ (голод там), 15, 51⁶ (переписка с Ибн-Рузайком), 118⁶, 125⁶, 130⁶, 137⁶ (541 год).

¹³ Л. 18⁶ (разлука с братом).

¹⁴ Л. 128⁶.

¹⁵ Л. 11⁶ (встреча с Йахйей ал-Хаскафй в 527 году. Он упоминается в كتاب العصا (Derenbourg op. cit. 533), умер по словам Хаджжй Халифы (изд. Flügel'я IV, 257 № 8304) ок. 553 г.

¹⁶ Л. 167⁶.

¹⁷ Л. 58⁶.

¹⁸ Л. 93, 238.

¹⁹ Л. 151.

пример, неизвестное нам сочинение ал-Газālī «Достоинства имāма Мāлика»¹ или известного историка ат-Табарī «Генеалогия сподвижников Мухаммеда»². Из собственных произведений Усāма упоминает здесь только «Рассказы о женщинах»³, произведение известное нам по двойной цитате его же в «Книге о посохе»⁴.

III.

Такова неизвестная до сих пор книга сирийского эмира. Не менее интересна сама рукопись — уже потому, что историю ее мы можем проследить почти до начала XIX века, до появления в Азиатском Музее. Первая точная запись владельца на ней относится к 1006/1597 г. и сделана в Дамаске. Мы знаем, что последние годы своей жизни (1174 — 1188) Усāма провел именно там; соблазнительно предполагать, что переселяясь туда из Хысн-Кайфы он захватил и свою библиотеку, как сделал много лет тому назад, когда переселился из Египта в Сирию. Вероятно тогда же попала в Дамаск только что законченная «Книга стоянок и жилищ». К XVI веку она лишилась первого листа, но существовал еще последний, на основании которого указал в начале дату и место написания владелец⁵. Этот владелец был довольно известный поэт и литератор своего времени Мухаммед ат-Талавī (1540 — 1605)⁶. Отец его, солдат турецкого войска, попал в Дамаск при завоевании Сирии султаном Селимом и остался там. Сын — дервиш, поэт и ученый, занимал различные судебные должности и профессуры, побывал в Константинополе и святых городах, но почти всю жизнь провел в Дамаске за литературной работой. Из его произведений сохранился сборник поэтической переписки с современниками, представленный, между прочим, двумя рукописями Азиатского Музея⁷. О большой пачитанности Мухаммеда ат-Талавī говорит и тот биографический очерк Усāмы, который он приложил в начале попавшейся ему в руки книги⁸. Здесь мы встречаем ссылки на Ёмāд-

¹ Л. 175^b: فضائل مالك بن أنس. Возможно, что это отдел из какого либо большого произведения.

² Л. 174^b и 183 *نسب الصحابة*. Нужно заметить, что вопрос о сочинениях ат-Табарī до сих пор очень запутан и, может быть, в этом названии кроется произведение, известное под другим заглавием. См. Goldziher в WZKM, IX, 1895, 359—371, и de Goeje, *Annales... at-Tabari*, Introductio, 1901, IX—XXII.

³ Л. 94: рассказ про *بيطس بن صهيب* и *صفراء*.

⁴ Derenbourg, op. cit. 334, № 7.

⁵ Л. 3^a (цитата приведена выше, стр. 9, прим. 1).

⁶ См. о нем Brockelmann, *Geschichte der Arabischen Litteratur*, II, 273, № 11 или Зейдāн *تاريخ آداب اللغة العربية*, III. Каир 1913, 275-6.

⁷ № 164 и 165 ст. фонда. В Европе они не известны и Brockelmann'ом не упомянуты.

⁸ Л. 1^a-3^a.

ад-дйна, Ибн-Халликан и диван Усāмы — словом почти все те же источники, которыми пользовался Derenbourg в своей монографии о нашем эмире. На последнем еще существовавшем в его время листе рукописи основывался ат-Талави и тогда, когда говорил, что она представляет автограф.

Сомневаться в справедливости этого указания нет особых данных. К сожалению сравнивать не с чем, так как неоспоримых автографов Усāмы до сих пор не обнаружено. Одно время существовало предположение относительно одной берлинской рукописи, яко бы переписанной Усамой, как высказывался Derenbourg¹. Однако, для этого основания слишком шатки: повидимому, рукопись — только копия с оригинала, переписанного Усамой в Хысн-Кайфā около того же времени, как и наша. Палеографические данные заставили такого тонкого знатока, как Ahlwardt даже не упоминать в своем каталоге о возможности видеть здесь автограф². Судить о нашей рукописи приходится, таким образом, не путем сравнения, а только внутренних данных. Они несомненно подтверждают указание ат-Талави. И бумага, и письмо могут относиться к XII веку, в руке чувствуется уверенность человека, много писавшего, в огласовке и смелости некоторых лигатур виден не переписчик, а ученый литератор. Опасно, конечно, поддаваться предвзтому мнению, но по временам кажется, что в почерке проявляется дрожание руки у 77-летнего старика, каким в это время был Усāма. Вся сумма данных в связи с заметкой ат-Талави, основанной на существовавшей в его время приписке Усāмы дает право считать рукопись автографом эмира.

Через 80 лет после смерти ат-Талави появляется другая приписка 1089/1678 г., свидетельствующая о том, что и конца рукописи уже не имеется, хотя она остается еще в Дамаске³. Следует ряд приписок неизвестных или неинтересных нам владельцев и последняя вместе с рукописью переносит нас уже на север Сирии, в другую обстановку, в Алеппо. Мы знаем, что именно Алеппо, начиная с XVII века, является единственным живым очагом арабской угасающей литературы. Здесь устойчиво сохраняется старая традиция с любовью к книжным собраниям: здесь готовится и новая арабская литература под европейским влиянием. Первые проблески ее

¹ Op. cit., стр. VIII—IX. В начале приложено и факсимиле.

² Verzeichniss der arabischen Handschriften der Kgl. Bibliothek zu Berlin, IX, 229, № 9703.

³ Л. 4: وهذه النسخة بخط المصنف الجامع كما ذكره المرحوم العلامة الطالوت قبل هذه الورقة في ترجمة المؤلف وإن ذلك مذكور في آخر هذه المجلدة ويمرور الأيام فقدت من آخر المجلده بعض أوراق التي كان بها أن هذا الكتاب بخط المصنف رحمه الله تعالى وكان كتبه لهذه النسخة في جادى الاولى سنة ٥٦٨ حرر في شهر شوال سنة ١٠٦٩.

Обстоятельнее повторяется то же самое на листе 250^б. Об усердном изучении рукописи под руководством ученых говорят частые приписки на полях (напр., л. 15, 21^б и ин. др.).

заметны именно в Алеппо. Школа Макария Антиохийского и его сына Павла Алеппского, хорошо известных России, оказывает сильное влияние, повидимому, не только на единоверцев. Нельзя забывать, что с Алеппо связан и первый период европейской арабистики: здесь подолгу жили и Поккок и Голлий; брат последнего действовал как монах ордена кармелитов. История перевода на арабский язык Гуго Гроция¹ или Θомы Кемпийского² равно как восточная переписка Голлия³, вскрывают интересные черточки духовного брожения в этой своеобразной христианско-мусульманской среде. Из Алеппо выходит и маронитский патриарх Герман Фархāt (1670 — 1732), считающийся одним из провозвестников ново-арабской литературы. Из Алеппо выходит и арабское книгопечатание в начале XVIII века, пересаженное туда из Румынии патриархом Афанасием. Алеппо сохраняет свою роль на протяжении двух веков и его смешанную среду хорошо характеризует незначительная на первый взгляд приписка — последняя по времени в рукописи⁴. «У покойного шейха Хашима эфенди Келлāсī такой стихотворный отзыв об этой книге:

«Эти стоянки воздвиг из слез, остановившись над стоянками плачущий.

Посмотри же на их удивительные следы, продекламировав стих: «Для вас, о стоянки, в сердцах стоянки!»

Он включил в это двуступенное начало қасбиды Абū-Таййба Мутанаббия:

«Для вас, о стоянки, в сердцах есть стоянки; вы опустели, а они вами заселены»⁵.

Записал это владелец книги, раб нуждающийся в благоволении Господа своего вседозволенного всемогущего, Насраллāх сын покойного Фетхаллāха Бешāры Тарабулусī, да соделает его Бог благословенным, в Рамадāне 1225 г.».

¹ См. H. C. Millies, *Over de Oostersche vertalingen van het beroemde geschrift van Hugo Grotius: De veritate religionis christianae*, Amsterdam 1863, стр. 7—18.

² См. Ch. F. Schnurrer, *Bibliotheca arabica*, Halae 1811, стр. 251—253.

³ См. M. Th. Houtsma, *Uit de oostersche correspondentie van Th. Erpenius, Jac. Golius en Lev. Warner*, Amsterdam 1887 (*Letterk. Verhandl. der Koninkl. Akademie van Wetensch. te Amsterdam. Deel XVII*).

⁴ Л. 1 (не нумерованный): للمرحوم الشيخ هاشم افندي كلاسي تقریظ للكتاب

هذه المنازل شاهدها من دمة * عند الوقوف على المنازل هامل

فانظر معالمها البديع منشدا * لك يا منازل في القلوب منازل

وقد ضمن بهذين البيتين صدر قصيدة لأبي الطيب المتنبي وهي

لك يا منازل في القلوب منازل * أقفرت أنت وهن منك أوائل

كتبهما وتخلّكه العبد الفقير لرضى ربه الغنى القدير نصر الله ولد المرحوم فتح الله بشاره طرابلسي جعله الله مباركا عليه في رمضان سنة 1225.

⁵ Изд. Dieterici, стр. 265.

Эта приписка, относящаяся, таким образом к октябрю 1810 г., дает нам все необходимые указания для новой, так сказать, истории рукописи. Фетхаллах Тарабулусй — довольно известный поэт и общественный деятель Алеппо в конце XVIII и начале XIX века (1770 — 1840)¹. Происходя из литературной семьи, он находился в одинаково близких связях с мусульманами и христианами. Одним из его друзей и был шейх Хашим ал-Келласй, с которым он обменивался литературными посланиями². Около 1826 г. религиозные раздоры в Алеппо заставили Тарабулуси переселиться в Египет, где он и умер около 1840 г. Его имя дает нам ясное указание на то, каким образом рукопись попала и в Азиатский Музей. Одним из меценатов и друзей Тарабулусй, которым он посвящал свои стихотворения³, был между прочим французский консул в Алеппо Joseph Louis Rousseau, впоследствии занимавший такой же пост в Багдаде и Триполи африканском. Хотя он родился в Париже в 1780 г., но происходил из левантинской семьи, так как еще его дед выехал на Восток из Женевы в конце XVII века⁴. Отец (род. в 1737 г.) был тоже французским консулом в Багдаде и Басре и умер в Алеппо в 1808 г., оставив после себя несколько работ по востоковедению. Сын унаследовал литературные вкусы и составил большое рукописное собрание. Благодаря содействию знаменитого Silvestre de Sacy, оно попало в Россию и в виде двух коллекций Rousseau, поступивших к нам в 1819 и 1825 г. положило начало мусульманским рукописным фондам Азиатского Музея⁵. В составе второй коллекции, перейдя очевидно от Тарабулусй к Rousseau, оказалось и сочинение Усáмы, которое, таким образом, скоро может праздновать столетие пребывания в России.

По всем крупнейшим этапам угасающей арабской литературы проходит эта рукопись. Зародившись в эпоху первого агрессивного движения Запада на Восток — первых крестовых походов, она попадает в Дамаск, куда автор привлечен великим именем Саладина. В эпоху другого крупного пе-

¹ О нем имеется статья Л. Шейхб в ал-Машрик, III, 1900, 397 — 408, и отдел в его же *La littérature arabe au XIX siècle*, I, Beyrouth 1908, 52 — 54. Отрывок одного его стихотворения помещен анонимно в *Mines d'Orient*. II, Wien 1811, 209—210 (= ал-Машрик, III, 406).

² Ал-Машрик, III, 402 и *La littérature* . . . , 53.

³ Напр. ок. 1808 г. — ал-Машрик, ib. 398—399; на отъезд из Алеппо — ib. 400. Ср. оду Наполеону на рождение сына в 1811 г., ibid. 399—400. Ср. еще *La littérature* . . . 53.

⁴ Ум. в 1753 г. 74 лет. См. *Eloge historique de feu J.F.X. Rousseau, ancien consul général de France à Bagdad et Bassora, mort à Alep le 12 Mai 1808*, Paris 1809.

⁵ См. статьи Френа, перепечатанные в *Das Asiatische Museum*, стр. 201—216, 279—294. Общая характеристика коллекций ср. «Азиатский Музей Российской Академии Наук, 1818—1918. Краткая памятка, II. 1920», стр. 9, 11—14.

релом — завоевания Сирии турками она опять всплывает перед нами, чтобы снова погрузиться во мрак до проблесков уже нового литературного движения в XIX веке. Эпоха столкновения Запада с Востоком вызвала ее к жизни; начало мирного общения обеспечило ей жизнь уже не на Востоке, а на Западе.

Сочинение интересно, как памятник крупной, если не исторической, то человечески-характерной фигуры. Рукопись сама по себе ценный свидетель ряда веков. Но у нас остается еще один вопрос: представляет ли значение «Книга стоянок и жилищ», как научный материал с нашей современной точки зрения?

IV.

Начнем со второстепенных данных. Как мы уже видели, изредка и в «Книге стоянок и жилищ» появляются автобиографические детали, которые могут дать параллели к «Книге назидания», кое в чем ее подтверждая. Изредка мы встречаем исторические указания и отдельные черточки, которые как мозаика могут войти в другие картины. Но это все мелочи. Важнее уже текст сообщаемых произведений, который нередко может помочь вопросам текстуальной критики. Сравнительно скудна будет жатва, когда дело коснется древнего перпода: относительно него мы располагаем теперь достаточно большим запасом источников и даже критических изданий — трудно полагать, чтобы книга Усāмы в этом направлении могла оказаться важным подспорьем. Но я не даром подчеркивал, что интерес эмира равномерно направляется и в сторону новой поэзии: именно здесь жатва будет гораздо обильнее. При отсутствии критических изданий, относящихся к этому периоду, запись такого литератора, как Усāма, окажет ценную помощь и во многих случаях сыграет роль первоисточника.

Однако и не в этом еще главное значение книги. Собранием материала на одну определенную тему она как бы целиком подходит к тому направлению, которое мы теперь наблюдаем в исследовании арабской поэзии за последние годы до войны, о чем только и можем судить. Став со времен Ahlwardt'a на прочную почву путем правильного подхода к вопросам текстуальной критики — с одной стороны, реального анализа поэтических сюжетов — с другой, арабистика в лице Goldziher'a обратилась к решению вопроса о происхождении основных форм арабской поэзии на их первичных стадиях перехода от массы еще безличной к национально-своеобразной. Дальнейшей ступенью обработки явился анализ развития отдельных сюжетов или образов у индивидуально выделяемых поэтов и впоследствии анализ их общего стиля.

Это направление можно считать наиболее характерным для венской школы, группирующей около Geyer'a. Система их анализа, примыкающая в исходном пункте к классическим образцам Ahlwardt'a, не ставит вопроса широко, ограничивая его отдельными пунктами преимущественно данного анализируемого стихотворения. Исключение — этюд Rhodokanakis'a о форме элегий и наряду с ним книга Усāмы как бы намечает дальнейший путь. Неизбежной вступительной частью всех крупных арабских стихотворений является обыкновенно так называемый «плач на следах ставки» — гореванье поэта у остатков того кочевья, где когда то проживала его возлюбленная. Вызванная первоначально реальными условиями примитивной кочевой жизни, эта часть мало по малу превратилась в литературный прием, обязательный шаблон, не без оснований сопоставляемый Guidi с обращением к музе в ложно-классических произведениях¹. На все века существования арабской поэзии эта часть оказалась закрепленной; если в других допускаются те или иные отступления и перемены деталей сюжета, то эта является наиболее незыблемой. Неудивительно поэтому, что все приводимые Усāмой стихи о следах, остатках и стоянках являются в громадном большинстве началом отдельных стихотворений. Проследить развитие этой части, изменение отдельных деталей, индивидуализацию приемов и явится, рано или поздно, очередной задачей исследователя арабской поэзии. Усāма, не подозревая конечно возможности такого эгоистического подхода к его проникнутой чувством книге, собрал в ней богатый материал для такой работы, указав целый ряд путеводных знаков. Этот материал почти всей своей массой может перейти в распоряжение европейского исследователя, избавив его от длинного ряда предварительных черновых изысканий. В этом и заключается главное значение новой книги Усāмы с нашей точки зрения.

Все же, расставаясь с книгой сирийского эмира, хочется сказать, что самое интересное в ней — он сам. И это произведение бросает такой же мягкий свет на Усāму, как его автобиография. И через него проходит яркое отражение индивидуальности, которое позволяет видеть в авторе, если не первоклассного писателя, то определенную человеческую личность, отчетливо выступающую на фоне прошлых веков. Затеряться в истории арабской литературы или жизни она не может.

И. Крачковский.

П. Август 1921 г.

¹ Il «nasib» nella qasida araba (Actes du XIV Congrès International des Orientalistes, III partie, Alger 1905, стр. 8—12).